

Англиский журнал

П. Казанский.

1930, том XII.

У кулундинских немцев.

О Ч Е Р К.

Июль месяц 1927 года я проводил в поселке Семеновском, в Кулундинской степи, у своего доброго приятеля П. С. Парфенова, сотрудника истпарта и преподавателя высшего кооперативного института в Москве, в свою очередь проводившего отпуск в родном поселке у отца крестьянина.

Заметив, что меня интересуют разнообразно минерализованные кулундинские озера, П. С. предложил мне съездить с ним на озеро Кучук и курорт Солоновку, на что я охотно согласился, тем более, что по пути можно было заехать в немецкую колонию Гляден. Посмотреть, как устроились в Сибири люди другой, высшей по сравнению с нашей, культуры, мне давно хотелось.

Мы отправились втроем, захватив с собой еще брата П. С., подростка, в легком коробке в одну лошадь. В районном селе Леньках, через которое пролегал наш путь и к району которого принадлежит Гляден, мы навели справки, к кому-бы можно обратиться в Глядене с просьбой о приюте на ночь и с вопросами о жизни колонии. Нам указали, как на подходящего человека, на тов. Гардера, председателя машинного товарищества в Глядене № 2.

Кулунда, по направлению от Камня до Леньков представляющая лесостепь с довольно обильными березово-осиновыми колками, за Леньками становится совершенно безлесной. Но вот впереди, на чуть приподнятом горизонте вырисовываются несколько необычайно мощных колков, каких и до Леньков не было. Это оказываются искусственные насаждения Глядена, или, вернее, Гляденов, так как всех немецких поселков, составляющих Гляденскую колонию, четыре.

Впереди крупных насаждений открываются совсем молодые, не закрывающие расположенных между ними строений. Это—лежащий верстах в двух перед Гляденем смешанный русско-немецкий поселок Ивановка, первый, недавний опыт такого рода. До сих пор немцы неизменно селились строго отдельно от русских. О характере Ивановки я скажу два слова в конце моего очерка, после описания Глядена.

После Ивановки дорога приводит в Гляден номер первый. Это широчайшая, прямая, как стрела, улица, с обеих сторон обсаженная тополями в четыре ряда, так что из-за них едва замечаешь спрятавшиеся за ними постройки колонии. Противоположный конец улицы, обращенный к юго-западу, в сторону господствующих ветров, защищен от них треугольным тополевым насаждением, обращенным острым углом в улицу, с проездами по обе стороны его.

На въезде в поселок по правую руку расположен кооператив, разукрашенный плакатами на немецком языке, а по левую—дом, с виду напоминающий помещичью усадьбу, а никак не жилище крестьянина, хотя-бы и немца. Спешу прибавить, что во всем Глядене этот дом—единственный такого характера. Дальше мелькают между тополями поразительно однообразного вида постройки, отличающиеся друг от друга только деталями расположения частей, но сохраняющие вполне свой своеобразный стиль. Все они очень низенькие, саманные, с очень пологими двускатными дерновыми крышами. Стены неизменно выбелены, а у земли обведены неширокой серой полосой. К улице эти домики обращены узким передним фасадом, но в глубину усадьбы очень длинны. Рассмотреть глубину усадьбы, насколько позволяют уличные насаждения, ни что не мешает, так как заборов не существует: от улицы усадьбы отгорожены низенькими барьерчиками, а друг от друга отделяются только межами.

Гляден номер первый образует один из углов большого четырехугольника; по остальным его углам лежат остальные три поселка. Номер второй, в который нам нужно было попасть, лежит по диагонали от номера первого.

Внутренность четырехугольника занята пашнями. Но это, конечно, не все гляденские пашни, немецких полей много и вокруг Гляденов. После чересполосицы русских крестьянских полей, после треугольных, косоугольных, то широких и коротких, то страшно узеньких, вдоль и поперек разбросанных пашен сразу импонируют правильные, солидной ширины, очень длинные, строго прямоугольные и параллельные друг-другу немецкие поля.

Гляден номер второй выглядит далеко хуже номера первого, главным образом из-за жалкого вида растительности. Его тополя, так же двумя четверными рядами протянувшиеся по широчайшей улице, низкорослы, чахлы, местами сохнут, а кой-где и совсем посохли. Домики тоже выглядят беднее.

Встречные гляденцы одеты скорее, как городские мещане, чем, как крестьяне. Нам указывают т. Гардера, стоящего, как раз, перед своей усадьбой. Это интеллигентной внешности старик с подстриженной седой бородой, в старом рабочем пиджаке с рваными локтями.

Выслушав нас, т. Гардер вполне корректно, хотя и довольно холодно, пригласил нас в дом.

Вход в дом т. Гардера, который можно описать, как типичный дом гляденского колониста, находится по середине длинного бокового фасада. Первое, что бросается в глаза, это оригинальное устройство входной двери: она состоит из двух половинок—верхней и нижней, открывающихся каждая самостоятельно. Хозяин имеет полную возможность, открыв верхнюю половинку двери, переговорить с пришедшим к нему человеком лицом к лицу, не впуская его в то же время в дом. Входная дверь ведет во внутренние сени, могущие служить летом и столовой, и спальней. Мебели в них нет. Из них дверь прямо ведет в кухню, направо—в жилое помещение, налево—в теплый скотный двор, построенный под одной крышей с домом и удивительно чистый. Зимой в буран или осенью в слякоть немецкие крестьяне, благодаря такому расположению двора, могут обслуживать свой скот, не выходя сами на улицу, тем более, что сеновал помещается под той-же крышей. В домике, несмотря на его кажущуюся снаружи миниатюрность, кроме сеней и кухни, есть еще две комнаты. Полы земляные, убитые до твердости почти камня и чистые до полного отсутствия соринки или пылинки, совершенно ровные. Потолков нет,—их заменяет пологая двускатная крыша. Но это последнее упрощение удачным назвать, кажется, нельзя, так как в сильные дожди крыша, видимо, кое где протекает. Комнаты, начиная с сеней, чисто выбелены. Мебель тяжеловесная, старинного немецкого фасона; нечто подобное можно иногда встретить в старозаветном городском домике, но в деревне, у русских крестьян—ни в коем случае. Пузатый комод и широкий диван без спинки, но с высокими выгнутыми боковыми стенками, нечто среднее между диваном и кроватью, прежде всего обращают на себя внимание. Небольшая этажерка с немецкими книгами и газетами и старинные настенные часы с маятником, в длинном футляре, дополняют непривычную для нашего глаза обстановку.

Пригласив нас сесть за большой, тоже старинного городского типа стол с разложенными по нему счетоводными книгами, т. Гардер, на вполне правильном русском языке, совершенно вежливо, но и очень определенно задал нам вопрос, кто мы такие и что нам от него угодно. Мы назвали себя—П. С. сотрудником истпарта, я—членом Алтайского отдела Географического о-ва, и объяснили свой приезд желанием ознакомиться с тем, как устраивается жизнь колонистов-немцев в Сибири, в после-революционной обстановке.

В ответ т. Гардер встал и торжественным тоном выразил свою радость по поводу того, что ему впервые еще «приходится принимать у себя советских ученых». Правду сказать, мы, не имевшие никаких заданий от научных учреждений по части немецких колоний на Кулунде, да и вообще не придававшие своей поездке значения научного исследования, были несколько смущены такой «квалификацией». Кстати скажу, что как т. Гардер, так и другие немцы-колонисты, с которыми нам пришлось

беседовать, говорят по-русски вполне литературным языком, с оборотами речи скорее несколько книжными, чем разговорными. Ни малейшего влияния крестьянского говора в их русской речи незаметно. Что-же касается их немецкого языка, то, не владея им, я не могу сказать, к какому из германских наречий он относится и насколько далек от литературного немецкого языка.

В дальнейшем т. Гардер оказал нам самое радушное гостеприимство, и дал все интересовавшие нас сведения; так что дальнейшее изложение характера хозяйства и быта колонистов приводится почти исключительно с его слов, дополненных личным показом нам его усадьбы, огорода и сада.

* * *

Гляденская колония существует уже более 20 лет. Образована она выходцами из Херсонской губернии, потомками колонистов, приглашенных туда Екатериной второй. В противоположность русским деревням, селящимся по ложбинам, по долинам степных речек или у озер, немцы выбрали для поселения высокую плоскую степную гриву. Название „Гляден“, интриговавшее меня, оказалось чисто русским, производным от глагола «глядеть», так как, пока не было здесь поселков, окрестные крестьяне с этой плоской, но высокой гривы оглядывали степь, отыскивая лошадей. Поселки возникали один за другим, в порядке носимых ими номеров. Первоначально им всем даны были немецкие названия; но на практике сохранилось и привилось ко всем четырем поселкам русское название местности, немецких же названий поселков не помнят по большей части и сами немцы—их жители. Тополевые посадки удались превосходно в Глядене номер первый и в номере четвертом (где они еще молоды), так как эти два поселка стоят несколько ниже. Номер же второй занял самое высокое место Гляденской гривы; здесь тополям слишком сухо, и они чахнут.

Поселки невелики. Самый крупный из них—номер первый, в котором, во всяком случае, меньше сотни дворов. В Глядене втором всего 26 дворов.

Из внешних, так сказать, примет, доступных глазу поверхностного наблюдателя, кроме вышеизложенного, можно отметить еще следующее. Отопляют гляденцы кизяком, который выделывают совершенно тем же способом, что и окружающие русские крестьяне. Экипажем служит дышловая бричка, резко отличающаяся от крестьянской своей солидной постройкой, с забранными досками боками, непременно крашеная. Но сараев для экипажей почему-то не видно, как брички, так и сельскохозяйственные машины стоят под открытым небом, что рядом с описанными уже проявлениями строгого порядка и культурности поражает, как досадный диссонанс.

Сельское хозяйство гляденцев, как и у русских крестьян, почти исключительно зерновое, если не считать приусадебных огородов, при чем система полеводства, по словам т. Гардера, до настоящего времени приблизительно одинакова с крестьянской, то-есть довольно неопределенная, по существу—переходная от залежной к трехполью. Выделялись до сих пор немецкие пашни только более тщательной обработкой земли, почему и давали урожай несколько лучше крестьянских. Хозяйство ведется каждым гляденским хозяином единолично, с помощью членов семьи; наем батраков, повидимому, явление редкое, да и то временное.

Однако же в сравнительно бедняцком Глядене втором с 1926 г. образовалось машинное товарищество, которое приобрело в рассрочку трактор и некоторые другие машины. Годовой опыт его работы оказался настолько положительным, что к моменту нашего приезда это т-во, председателем которого и состоит т. Гардер, перешло на устав т-ва по совместной обработке земли. Т. Гардер прочел нам устав последнего т-ва, и мы были поражены его продуманностью до мелочей, стремлением предусмотреть и предупредить все случаи недоразумений между членами. Уставом предусмотрены всевозможные комбинации между количеством рабочей силы, рабочего скота с одной стороны и количеством едоков—людей и животных—с другой стороны в хозяйствах членов т-ва, и разрешены, в общем, так, что несоответствия между производством и потреблением в каждом вошедшем в т-во хозяйстве разрешаются путем тех или иных компенсаций, не обижающих ни т-во, ни члена его.

Кроме того, устав регламентирует не только совместное производство хлеба, но и его распределение и потребление: на руки членам т-ва выдается только продовольственный запас, остальной же урожай остается в амбаре т-ва для продажи его т-вом или для посева будущего года. Поля свои т-во устроило и вводит девятипольный севооборот с травосеянием. Словом, т-во находится, повидимому, на прямой дороге от первичного сель.-хоз. кооператива к коммуне, двигаясь к этой конечной цели с немецкой выдержкой и последовательностью. Насколько назрела та стадия развития т-ва, которую мы застали, видно из того, что его членами оказался почти весь Гляден второй: не вошли в т-во всего не-то два, не-то четыре двора.

В дополнение к рассказу, т. Гардер повел нас показывать свое хозяйство. Огород, занимающий заднюю часть усадьбы и так же ничем не отгороженный от соседских огородов, разбит чрезвычайно правильно. Особенность его, да и других гляденских огородов, как мы потом убедились, составляют грядки душистых трав разных видов. Травы эти показывались нам с большим удовольствием, чуть ли не с гордостью; но каково их употребление в хозяйстве, осталось нам неизвестным. За огородом лежит еще молодой садик, в котором т. Гардер не без успеха культивирует несколько видов деревьев северо-американской флоры. За садиком начинается поле; начинается оно совершенно естественным на вид небольшим клочком пырейной степи.

«Вот наш спаситель» — говорит т. Гардер и выдергивает кустик стеблей пырея, снабженный снизу густой бахромой коротких корней. — «Это американский пырей. Вот, как видите, этот клочек земли он одел настоящим степным дерном, превратил выпаханную землю в натуральную степь. И в то же время он дает мне укусы хорошего сена и не засоряет землю длинными корнями, как наш сибирский пырей».

Возвратившись после осмотра усадьбы, мы задали т. Гардеру несколько вопросов, касающихся общественного и семейного быта колонистов, и узнали от него нижеследующее.

Религиозность среди колонистов до сих пор значительна и в старшем поколении непререкаема. Младшее поколение начинает относиться к религии безразличнее, но открытого похода против нее пока нет.

Семья у колонистов держится прочно. Столь обычных сейчас среди русского населения разводов и семейных разрывов не замечается вовсе.

Надо прибавить, что, повидимому, женщина у колонистов до настоящего времени остается только в роли домашней хозяйки, мало выходя из пределов семьи. Признаками этого служат следующие характерные штрихи: во-первых, мы заметили, что ни т. Гардер, ни другой колонист, о посещении которого будет сказано ниже, не нашли нужным познакомить нас с женщинами своих семей, хотя те появлялись перед нами в роли хозяек, накрывая на стол, подавая кушанья и т. под. В то же время своего сына, напр., т. Гардер представил нам официально, по всем правилам этого рода церемонии. Во вторых, как из своих наблюдений, так и со слов т. Гардера мы узнали, что в то время, как мужчины-колонисты все владеют русским языком, и многие из них — совершенно чисто, женщины-колонистки, большей частью, по-русски не говорят вовсе. Объяснение этого явления возможно только одно, — замкнутость женщины в стенах дома, в пределах усадьбы, и ничтожность ее роли в общественной жизни. Вероятно, этой традиционной отчужденностью женщины от общественных вопросов можно объяснить и отсутствие разводов. Женщина просто еще не умеет и не смеет проявлять свою волю...

Школа и кооператив находятся в Глядене первом. В номере втором организована изба-читальня, по словам т. Гардера, усердно посещаемая.

* * *

Переночевав у т. Гардера и направляясь утром в дальнейший путь к Кучуку, мы сказали гостеприимному хозяину, усиленно звавшему нас заехать на обратном пути, что нам хотелось бы на обратном пути присмотреться поближе к жизни Глядена первого, в котором, по словам т. Гардера, сгруппированы, главным образом, зажиточные колонисты, и спросили его совета, к кому бы там заехать. После некоторого раздумья, он посоветовал нам заехать прямо в «помещичий» дом на в'езде

в поселок. Прежний хозяин его, гляденский богач, во время революции эмигрировал в Америку; но и теперешний владелец живет очень зажиточно и достаточно культурен, чтобы, во всяком случае, оказать нам радушный прием и дать интересующие нас сведения.

Когда мы на обратном пути въехали в Гляден первый, было воскресенье. Первое, что нам бросилось в глаза, были небольшие группы колонистов в праздничных костюмах, идущие все по одному направлению. Шли, видимо, семьями; некоторые катили колясочки с маленькими детьми. Подъезжая к „помещичьему“ дому гр. Дика, мы обнаружили, что праздничные группы все направляются тоже к нему, и были порядком озадачены: уж заезжать-ли? Но все таки решились заехать.

Во дворе спросили гр. Дика. Он вышел к нам, высокий, необычайно представительный, с великолепной бородой и в прекрасной пиджачной тройке. Собрание в его доме объяснилось очень просто, хотя и несколько неожиданно для нас: у Дика временно помещается в зале... молитвенный дом. Узнав это, мы хотели было откланяться, чтобы не нарушить молитвенных настроений гр. Дика и прочих прихожан, но хозяин уверил нас, что мы не помешаем, и мимо молящихся, слушавших какую-то проповедь, провел в глубину дома.

Узнав, кто мы такие и какова цель нашего посещения, хозяин повел нас осматривать усадьбу. Опять пришлось пройти мимо молящихся. Усадьба, разумеется, гораздо больше гардеровской, но, в общем, того же стиля. Только сад занимает здесь полосу вдоль усадьбы, от самого дома до задней межи. Зато задняя межа совсем не походит на гардеровскую: вместо поля, усадьба кончается великолепной тополевой рощей. Хозяин с гордостью сообщил нам, что каждый домохозяин Глядена первого развел на задах своей усадьбы по полдесятины тополей, которые уже выглядят вполне взрослыми деревьями. Благодаря этому, жители Глядена первого обеспечены лесом на необходимые постройки и поделки. Строятся однако же исключительно из самана,—единственный деревянный дом в поселке—школа.

«Зато,—пояснил, гр. Дик,—за двадцать с лишним лет в нас не было ни одного пожара».

Проходя садом к тополям и обратно, мы воочию убедились в справедливости утверждения т. Гардера об индифферентности к религии со стороны молодежи: большинство молодежи, явившейся со старшими на молитву, предпочло проводить время в саду, рассевшись парочками под деревьями, в то время, как старшее поколение слушало проповедь.

После осмотра усадьбы, в беседе за чаем, мы узнали от гр. Дика, что жители Глядена первого все еще предпочитают чисто индивидуальное хозяйство. Во всем большом сравнительно поселке только девять дворов составили машинное т-во, которому однако не удалось получить трактор в рассрочку, подобно т-ву Глядена второго: им было отказано в рассрочке, как достаточно зажиточным. Эта неудача, видимо, очень волновала гр. Дика, состоявшего председателем машинного т-ва в Глядене первом, и он с раздражением в голосе заверял нас, что его хозяйство—трудовое, что он работает сам с сыновьями, без батраков, и что отказ в рассрочке дело интриг гардеровского т-ва, при чем самого Гардера назвал демагогом. Мы внутренне поблагодарили себя за то, что догадались умолчать, по чьему указанию мы заехали к гр. Дик, и выслушали его тирады, как очень яркий признак классового расслоения внутри Гляденской колонии, казалось бы, такой цельной и обособленной от окружающей ее русской жизни.

Более косный, индивидуалистический характер зажиточного Глядена первого сравнительно с бедняцким вторым виден и в том, что в то время, как в Глядене втором работает и хорошо посещается изба-читальня, более крупный Гляден первый обзавелся только красным уголком при школе; но и тот, по словам гр. Дика, почти не посещается.

* * *

Итак, немцы-колонисты сумели пронести через полтора столетия, через свое переселение из Херсонщины в Кулунду свою обособленность от русских, свой язык, религию, домашний обиход, семью и почти всю свою внешнюю культуру, пе-

ренив от русских (не к чести для себя) только экстенсивную систему хлебопашества да скверную привычку обходиться без сарая при хранении машин и экипажей.

В этой же своей племенной замкнутости, видимо, надеялись их дающие тон зажиточные лидеры отсидеться и от влияний революции. Но это оказалось не так просто. Классовая сущность революции—раскрепощение от кулаков и объединение бедноты—пробралась и сюда и начала уже пробивать солидную брешь в самодовольной косности и отчужденности немецкого колониста. Солидарность колонии перед окружающими русскими крестьянами трещит по швам и начинает заменяться классовой солидарностью трудящихся бедняков и середняков обеих наций против зажиточной верхушки, безразлично—русской или немецкой.

И интересным выразителем этой новой линии является русско-немецкий поселок Ивановка, о котором я упоминал в начале очерка. По-немецки распланированный, с широчайшей, обсаженной тополями улицей, с межами вместо заборов и плетней, он застроен смесью немецких саманных домиков и русских деревянных изб, и как по пестроте архитектуры, так и по разнообразному отношению домохозяев к своим усадьбам, в которых немецкая чистота и аккуратность сменяется русской небрежностью, выпирающей обильными бурьянами вокруг тополей, совсем не имеет специфически-колониетского единообразия и подчеркнутой внешней культурности.

Поселок возник совсем недавно. Что даст первый опыт совместной жизни и работы крестьян двух разных наций и культур, чем обогатит он обе стороны, покажет будущее. Пока важно одно: немец перестает считать себя прежде всего немцем, русский перестает считать его прежде всего чужаком,—оба разглядели друг в друге трудящихся хлеборобов, могущих быть взаимно полезными друг другу.

Это могла дать и дала только революция.
